

IV. РЫНОЧНАЯ ДЕМОКРАТИЯ ПРИ НЕОЛИБЕРАЛЬНЫХ ПОРЯДКАХ: ДОКТРИНЫ И РЕАЛЬНОСТЬ

ОТРЫВКИ ИЗ ЕЖЕГОДНОЙ МЕМОРИАЛЬНОЙ ЛЕКЦИИ ДЭВИ, ПРОЧИТАННОЙ В КЕЙПТАУНСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ, ЮАР, МАЙ 1997 ГОДА

Меня попросили поговорить о каком-нибудь аспекте академической или человеческой свободы. Это приглашение предоставляет мне большое пространство для выбора. Я остановлюсь на некоторых простейших проблемах, связанных с понятием свободы. Свобода без пользования ею это дар дьявола, а отказ в предоставлении возможностей пользоваться ею преступен. Судьба уязвимых слоев населения отчетливо показывает нам, какое расстояние отделяет нас от того, что можно назвать «цивилизацией». Пока я буду говорить, 1000 детей умрут от легко предотвращаемых болезней, и почти вдвое больше женщин умрет или получит серьезную инвалидность во время беременности или родов из-за отсутствия простых лекарств и лечения. По оценке ЮНИСЕФ, для преодоления таких трагедий и обеспечения всеобщего доступа к основным социальным службам потребовалась бы четверть годовых военных расходов «развивающихся стран» или около 10 % военных расходов США. Любая серьезная дискуссия о человеческой свободе должна происходить именно на фоне таких реальностей.

Повсеместно утверждается, что средство от таких социальных недугов находится в пределах наших возможностей. И эта надежда не лишена оснований. За прошедшие несколько лет мы видели падение жестоких тираний, многообещающий рост научного понимания и много других оснований предвкушать более счастливое будущее. Рассуждения привилегированных слоев отличаются самонадеянностью и чувством триумфа: путь вперед известен, и другого нет. Основная тема этих рассуждений, выраженная мощно и ясно, такова: «Победа Америки в холодной войне была победой, одержанной благодаря сочетанию политических и экономических принципов, а именно: демократии и свободного рынка». Эти принципы представляют собой «волну будущего будущего, для которого

Америка и привратник, и образец». Я цитирую главного политического комментатора «Нью-Йорк таймс», но эта картина стандартна, она то и дело повторяется во многих странах и принимается как в общем и целом истинная даже ее критиками. Ее также называли «доктриной Клинтона», провозгласившего, что наша миссия «консолидировать победу демократии и открывать рынки», которые были недавно обретены.

Остается некоторый диапазон несогласия: одна его крайность представлена «идеалистами а-ля Вильсон», настаивающими на непрерывной преданности традиционной миссии благотворительности, другая «реалистами», возражающими на это, что у нас может не хватать средств для ведения этих крестовых походов, нацеленных на «глобальное совершенствование» мира, и мы не должны пренебрегать нашими интересами, служа другим. Между этими крайностями пролегает путь к улучшению мира.

По-моему, в реальности дело обстоит совсем иначе. Современный спектр публичных политических дискуссий имеет столь же малое отношение к политике, как и многочисленные предшествовавшие дискуссии: на самом деле ни Соединенные Штаты, ни какая-либо другая держава не руководствуются доктриной «глобального совершенствования» мира. Демократия находится под ударом в мировом масштабе, в том числе и в ведущих индустриальных странах по крайней мере, демократия в осмысленном значении этого термина, включающем возможность для людей управлять собственным коллективом и личными делами. Нечто подобное можно сказать и о рынках. К тому же удары по демократии и рынкам взаимосвязаны. Истоки этих ударов коренятся в мощи тесно взаимосвязанных корпоративных организаций, которые опираются на могущественные государства и в значительной степени неподотчетны общественности. Расширение их безмерной власти обусловлено социальной политикой, ведущей к глобализации третьего мира и сопровождающейся появлением на одном полюсе неслыханных богатств и привилегий на фоне роста на другом полюсе «числа тех, кто обречен на тяжелый труд и тайно уповает на более равное распределение его плодов» как 200 лет назад предсказывал ведущий теоретик американской демократии Джеймс Мэдисон. Варианты выбора, предлагаемые этой политикой, наиболее очевидны в англо-американских обществах, но распространяются по всему миру. Их невозможно обосновать путем ссылок на «решения, которые принимает свободный рынок в его бесконечной, но таинственной мудрости», на «неумолимый размах рыночной революции», «замшелый рейгановский индивидуализм», или же на «новую ортодоксию, наделяющую рынок полной свободой». Наоборот, решающую роль, как и прежде, играет государственное вмешательство, а основные параметры проводимой политики не отличаются новизной. По выражению деловой прессы, современные версии политики отражают «полнейшее подчинение труда капиталом» на протяжении более пятнадцати лет, что зачастую точно описывает восприятие в высшей степени исполненного классовым сознанием делового сообщества, посвятившего себя классовой войне.

Если эта точка зрения верна, то путь к более справедливому и свободному миру выходит далеко за пределы диапазона вариантов, выдвигаемых привилегированными слоями и власть имущими. Здесь я не собираюсь обосновывать такие выводы, но лишь уповаю на то, что они достаточно правдоподобны и заслуживают тщательного рассмотрения. Кроме того, я хочу подчеркнуть, что господствующие доктрины вряд ли смогли бы выжить, если бы не

способствовали «муштре общественного мнения во всех деталях в такой же степени, как армия муштрует тела своих солдат», я цитирую опять же Эдварда Бернайса, демонстрирующего деловому миру уроки, извлеченные из пропаганды военного времени (см. статью «Согласие без согласия: манипуляция общественным мнением» в этом же сборнике).

Совершенно поразительно, что в обеих ведущих демократиях мира росло осознание потребности «применить уроки» весьма успешных пропагандистских систем времен Первой мировой войны «к организации политических военных действий», как выразился председатель Британской консервативной партии семьдесят лет назад. Либералы вильсоновского толка, включая интеллектуалов на государственной службе и видные фигуры в развивавшейся тогда науке политологии, сделали те же выводы в те же годы. В другом уголке западной цивилизации Адольф Гитлер поклялся, что в следующий раз использует уроки англо-американской пропаганды для политической войны у себя на родине.

Тем временем деловой мир предупреждал, что «промышленники столкнулись с опасностью недавно осуществленной политической власти масс», и необходимо завязать и выиграть «вечную битву за умы людей» и «знакомить граждан с историей капитализма» до тех пор, пока «они не смогут воспроизводить ее с примечательной уверенностью»; и так далее, и всё во впечатляющем потоке, сопровождавшемся еще более впечатляющими усилиями.

Чтобы обнаружить подлинный смысл «политических и экономических принципов», провозглашаемых «волной будущего», необходимо, разумеется, выйти за рамки риторических прикрас и официальных заявлений и исследовать фактическую практику и документы для внутреннего пользования. Пристальное рассмотрение конкретных случаев является наиболее результативным, но чтобы дать справедливую картину, эти случаи надо тщательно подбирать. Существует несколько естественных методов работы. Один из разумных подходов состоит в том, чтобы ссылаться на примеры, избранные сторонниками самих доктрин в качестве наиболее веских. Другой исследовать факты, воздействие которых оказывается наибольшим, а помехи при нем наименьшими, так что мы видим действующие принципы в их чистейшей форме. Если мы захотим определить, что имел в виду Кремль под «демократией» и «правами человека», мы мало внимания обратим на то, как торжественно «Правда» обличала расизм в Соединенных Штатах или государственный террор при режимах, являющихся сателлитами США, и еще меньше будем учитывать протесты из благородных побуждений. Гораздо поучительнее здесь ситуации в «народных демократиях» Восточной Европы. Мысль элементарна и приложима еще и к самозваному «привратнику и образцу». Латинская Америка, очевидно, служит для США неким полигоном, особенно Центральная Америка и Карибский регион. Здесь Вашингтон не встречал серьезного сопротивления других стран в течение почти столетия, и поэтому руководящие принципы политики прояснятся с наибольшей отчетливостью, если мы рассмотрим положение в этом регионе и то, как оно сложилось. Примечательно, что такого рода исследование предпринимается редко, а если его предлагают, оно получает клеймо экстремистского, а то и хуже. Я оставляю его в качестве «упражнения для читателя», попросту заметив, что факты дают полезные уроки политических и экономических принципов, преподносящихся в качестве «волны будущего».

Так называемый «крестовый поход Вашингтона за демократию» с особенным пылом велся в годы президентства Рейгана, причем Латинская Америка служила своего рода испытательным полигоном.

Результаты этого «крестового похода» обычно преподносятся как превосходная иллюстрация того, каким образом Соединенные Штаты «вдохновили триумф демократии в наше время», цитирую издателей одного из ведущих интеллектуальных журналов американского либерализма. В новейшем научном исследовании «возрождение демократии в Латинской Америке» описывается как «впечатляющее», но происходящее не без проблем; «барьеры на пути этого возрождения» остаются «труднопреодолимыми», но, вероятно, их можно преодолеть путем более тесной интеграции с Соединенными Штатами. Автор, Сэнфорд Лакофф, выделяет «историческое Североамериканское соглашение по свободной торговле (НАФТА)» в качестве потенциального инструмента демократизации. Он пишет, что в регионе традиционного влияния США страны, «пережив военную интервенцию» и «ужасную гражданскую войну», движутся к демократии.

Давайте сначала пристальнее рассмотрим эти недавние случаи как естественные, принимая во внимание подавляющее влияние США, так и те, что, как правило, избираются для иллюстрации достижений «американской миссии» и связываемых с ней надежд.

Как утверждает Лакофф, основными «барьерами на пути осуществления» демократии являются усилия по защите «национальных рынков», то есть попытки помешать иностранным (преимущественно американским) корпорациям устанавливать все больший контроль над обществом. Выходит, нам следует понимать это так, что демократия растет по мере того, как принятие значимых решений все больше передается никому не подотчетным частно-собственническим тираниям, в основном иностранным компаниям. Тем временем государственный сектор будет продолжать «сжеживаться» по мере «минимизации» государства согласно триумфально утвердившимся неолиберальным политическим и экономическим принципам. В одном исследовании Всемирного банка подчеркивается, что такая новая ортодоксия представляет собой «драматический сдвиг от плюралистического и представительского идеала политики по направлению к идеалу авторитарному и технократическому», тому, что неплохо согласуется с ведущими элементами либеральной и прогрессивной мысли XX века, а в другом варианте с ленинистской моделью (они гораздо более похожи, чем это часто признается).

Обдумывая фон этого явления, мы обретаем некоторые полезные представления о понятиях демократии и рынков в действенном смысле.

Лакофф не вдается в «возрождение демократии» в Латинской Америке, но все-таки цитирует научный источник, включающий статьи по крестовому походу Вашингтона в 1980-е годы. Автор Томас Каразерс, сочетающий ученость с «точкой зрения человека из ближнего круга», ибо он работал над программами «расширения демократии» в Госдепартаменте при Рейгане. Каразерс считает исходящий из Вашингтона «импульс по продвижению демократии» «искренним», но в значительной степени неудачным. Кроме того, провалы оказывались систематическими: в странах Южной Америки, где влияние Вашингтона было наименьшим, налицо был реальный прогресс в процессе демократизации, которому

рейгановская администрация, как правило, противостояла, хотя впоследствии начинала до верить ему, когда процесс доказывал свою неодолимость. А там, где влияние Вашингтона было наибольшим, прогресс оказывался наименьшим; если где он и происходил, роль США была незначительной или негативной. Каразерс приходит к общему выводу, что США стремились сохранить «основные порядки в... совершенно недемократических обществах» и избежать «популистских изменений», «неизбежно [ища] лишь ограниченных, направляемых сверху форм демократических перемен без риска разрушить традиционные структуры власти, с которыми Соединенные Штаты длительное время поддерживали союзнические отношения». Последнее предложение требует пояснения. Термин «Соединенные Штаты» обыкновенно применялся для обозначения властных структур в США, а «национальным интересом» считается интерес этих групп, что лишь слабо соотносится с интересами населения вообще. Поэтому вывод гласит, что Вашингтон стремился к управляемым формам демократии, не разрушавшим традиционные структуры власти, с которыми Соединенные Штаты длительное время поддерживали союзнические отношения. Этот факт не слишком удивляет и не является серьезной исторической новостью.

В самих Соединенных Штатах «управляемая демократия» крепко укоренена в конституционной системе. Можно утверждать, как делают некоторые историки, что эти принципы утрачивали силу по мере того, как осваивалась и заселялась территория страны. Как бы ни оценивать эти годы, к концу XIX столетия основополагающие американские доктрины приняли еще более угнетающую форму. Когда Джеймс Мэдисон говорил о «правах лиц», он имел в виду частных лиц. Однако рост индустриальной экономики и развитие корпоративных форм экономического предпринимательства привели к совершенно новому пониманию этого термина: «Определение лица в широком смысле включает в себя любые единицы: индивидов, отрасли чего-либо, товарищества, ассоциированные группы, ассоциации, сословия, тресты, корпорации или другие организации (организованные или не организованные по законам любого государства), или же любое правительственное учреждение». Такое толкование шокировало бы Мэдисона и ему подобных деятелей, чьи интеллектуальные корни восходят к эпохе Просвещения и к классическому либерализму.

Такие радикальные изменения в концепции прав человека и демократии вводились, в основном, не законодательством, а судебными решениями и комментариями интеллектуалов. Корпорациям, которые прежде считались искусственными образованиями, не имеющими прав, пожаловали все права частных лиц и гораздо более того поскольку это «лица бессмертные» и «лица», обладающие громадными богатствами и властью. К тому же корпорации больше не привязывались к конкретным целям, охарактеризованным в государственных хартиях, но могли действовать как им заблагорассудится с немногими ограничениями.

Консервативные ученые-юристы ожесточенно противостояли этим инновациям, признавая, что они подрывают традиционную идею, согласно которой права неотъемлемо присущи индивидам, а также подрывают рыночные принципы. Но эти новые формы авторитарного правления были институциализированы, а вместе с ними произошла легитимация наемного труда, который основное направление американской мысли едва ли считало чем-то лучшим, нежели рабство; причем поддержка такого рода оценки исходила не только от зарождавшегося рабочего движения, но и от таких фигур, как Авраам Линкольн, от

Республиканской партии и от средств массовой информации, представляющих истеблишмент.

Эти темы имеют громадные последствия для понимания природы рыночной демократии. Опятьтаки здесь я могу их лишь упомянуть. Материальные и идеологические итоги способствуют прояснению понимания того, что «демократия» за рубежом должна отражать модель, к которой стремятся в США: направляемые сверху формы контроля, когда публике отводится роль зрителей; недопущение этой публики на арену принятия решения, откуда должны быть изгнаны «невежественные и лезущие не в свое дело аутсайдеры», так считает большинство современных теорий демократии. Впрочем, их общие идеи стандартны и крепко укоренены в традиции, хотя и претерпели радикальные изменения в новую эпоху «коллективных субъектов права». Возвращаясь к «победе демократии» под руководством США, ни Лакофф, ни Каразерс не спрашивают, как Вашингтон сохранил традиционную структуру власти в высшей степени недемократических обществах. Они ничего не говорят о террористических войнах, принесших десятки тысяч истерзанных и искалеченных трупов, миллионы беженцев и, вероятно, невозполнимое опустошение. Молчат они о том, что эти террористические войны в значительной степени были направлены против католической церкви, которая стала врагом, когда сделала «выбор в пользу бедных», пытаясь помочь страдающим людям достичь хоть какой-то справедливости и каких-то демократических прав. Более чем символично, что ужасное десятилетие 80-х годов XX века началось с убийства архиепископа [Ромеро], который стал «голосом для безмолвствующих», а завершилось убийством шести ведущих интеллектуалов-иезуитов, избравших тот же путь, что и архиепископ, причем каждый раз эти убийства были делом рук террористических сил, вооруженных и подготовленных победителями в «крестовом походе за демократию». Следует обратить пристальное внимание на тот факт, что ведущие центральноамериканские интеллектуалы-диссиденты оказались убиты дважды: и физически, и замалчиванием их судьбы. Об их идеях и фактически о самом их существовании в Соединенных Штатах почти неизвестно, в отличие от диссидентов во вражеских государствах, вызывающих большой почет и уважение.

Такие вещи не попадают в историю, которую пишут победители. А в исследовании Лакоффа, которое в этом отношении не является исключением, если что и остается, так это ссылки на «военную интервенцию» и «гражданские войны» без указания на какие-либо внешние факторы. Однако для тех, кто стремится лучше понять принципы, на основе которых формируется будущее, осведомленность обо всех этих злодеяниях представляется совершенно необходимой, особенно если сохранятся нынешние тенденции развития структур власти.

Особенно показательны то, как Лакофф описывает Никарагуа, опять же стандартно: «Гражданская война закончилась вслед за демократическими выборами, и продолжается трудная попытка созидания более процветающего и самоуправляемого общества». В переводе на язык реальных событий это значит, что сверхдержава, напавшая на Никарагуа, усилила свой натиск после первых демократических выборов в истории страны. За выборами 1984 года осуществлялся пристальный контроль, и их легитимность была установлена профессиональной ассоциацией латиноамериканских ученых-гуманитариев (ЛАСА), ирландской и британской парламентскими делегациями и другими в том числе враждебно

настроенной нидерландской правительственной делегацией, как ни странно, поддержавшей рейганистские зверства. Ведущая фигура центральноамериканской демократии, Хосе Фигерес из Коста-Рики, к тому же критически настроенный наблюдатель, все-таки счел выборы в «завоеванной стране» (Никарагуа) легитимными и призвал Вашингтон дать сандинистам «мирно завершить то, что они начали: они заслуживают этого». США же решительно противились проведению выборов и всячески стремились сорвать их, будучи обеспокоенными тем, что демократические выборы помешают их террористической войне. Но эта озабоченность оказалась излишней в силу исправного функционирования доктринальной системы, блокировавшей сообщения о выборах с примечательной эффективностью и инстинктивно принимавшей сторону государственной пропаганды, которая называла эти выборы бессмысленным мошенничеством.

Также пренебрегают тем фактом, что по мере приближения срока следующих выборов Вашингтон не оставлял сомнений в том, что если результаты окажутся не такими, какие ему нужны, никарагуанцы будут по-прежнему страдать от незаконной экономической войны и «неправового применения силы», которое осудил Международный суд, постановивший положить ему конец (разумеется, тщетно). На этот раз результаты оказались приемлемыми, и в Соединенных Штатах их приветствовали вспышкой ликования, что весьма показательно.

Подойдя к объективным пределам критической независимости, обозреватель «Нью-Йорк таймс» Энтони Льюис восторженно оценил проведенный Вашингтоном «эксперимент по установлению мира и демократии», который показал, что «мы живем в романтическую эпоху». Методы эксперимента никакого секрета не составляли. Например, журнал «Тайм», присоединившись к торжествам, названным «взрывообразным продвижением демократии» в Никарагуа, обрисовал эти методы совершенно откровенно: их цель «разорить экономику и вести продолжительную и беспощадную войну руками наемников до тех пор, пока измученные туземцы сами не свергнут неуютное правительство», с «минимальными» затратами для нас, оставив жертву «с разрушенными мостами, разоренными фермами и диверсиями на электростанциях», дав ставленнику Вашингтона «решающий аргумент» покончить с «обнищанием никарагуанского народа», и не говоря о продолжении террора: об этом лучше не упоминать. На самом деле, затраты для них едва ли оказались «минимальными»: Каразерс замечает, что «число потерь на душу населения в пропорциональном отношении было гораздо выше, чем количество американских граждан, погибших в Гражданской войне и всех войнах XX столетия вместе взятых». Результатом стала «победа благодаря честной игре США» таков был ликующий заголовок в «Нью-Йорк таймс», назвавшей американцев «объединенными в радости», в стиле Албании и Северной Кореи.

Методы сей «романтической эпохи» и реакция на них в просвещенных кругах говорят нам о демократических принципах, оказавшихся победоносными, кое-что еще. Они также проливают некоторый свет на то, отчего в Никарагуа попытка «создать более процветающее и самоуправляемое общество» оказалась столь «сложной». Ясно, что эта попытка продолжается и теперь, принося определенные блага привилегированному меньшинству в то время, когда большинство населения столкнулось с социально-экономической катастрофой; вся эта политика проводится по знакомой модели колоний Запада. Заметьте, что этот пример позволил редакторам «Нью рипаблик» прославлять себя

в качестве «вдохновителей триумфа демократии в наше время», присоединяясь к восторженному хору.

Мы узнаём о победоносных принципах кое-что еще, вспомнив, что те же репрезентативные фигуры либеральной интеллектуальной жизни подстрекали Вашингтон к безжалостному ведению войн, с военной поддержкой «фашистов в латиноамериканском стиле... независимо от того, сколько будет убитых», потому что «есть более высокие американские приоритеты, чем права человека в Сальвадоре». Развивая тему, редактор «Нью рипаблик» Майкл Кинсли, представлявший левых в официальных комментариях и теледебатах, предостерег против опрометчивой критики официальной политики Вашингтона, состоявшей в нападении на беззащитные гражданские цели. Он признал, что такие между народные террористические операции причиняют «безмерные страдания гражданским лицам», но они могут быть и «абсолютно правомерными», если анализ «затрат и прибылей» покажет, что «количество пролитой крови и нищеты» даст «демократию» в том виде, как ее определяют правители мира. Просвещенное мнение настаивает на том, что террор сам по себе не ценность, но должен удовлетворять прагматическому критерию. Впоследствии Кинсли заметил, что желаемые цели оказались достигнутыми: «Именно обнищание никарагуанского народа было «темой» войны контраст и параллельной политики экономического эмбарго и вето на международные займы по развитию», именно оно «разрушает [разрушило] экономику» и «вызывает [вызвало] экономическую катастрофу, [которая], вероятно, стала наиболее выгодной темой, приведшей оппозицию к победе на выборах». Затем Кинсли присоединился к приветствиям в адрес «триумфа демократии» на «свободных выборах» 1990 года.

Государства-сателлиты пользуются аналогичными привилегиями. Так, комментируя очередной удар Израиля по Ливану, редактор «Бостон глоуб» по зарубежным странам Х. Д. С. Гринуэй, который красочно описал первое крупное нападение пятнадцатью годами ранее, утверждал, что «если бы бомбардировки ливанских деревень, даже ценою жизней, и вытеснение гражданских беженцев на север обезопасили границы Израиля, ослабили движение «Хезболла» и приблизили мир, то я бы сказал им «да», подобно многим арабам и израильтянам. Но история не проявила снисхождения к израильским авантюрам в Ливане. Они не привели к сколько-нибудь существенному разрешению конфликтной ситуации, но почти всегда лишь создавали дополнительные проблемы». Значит, убийство множества гражданских лиц, изгнание сотен тысяч беженцев и разорение южного Ливана по прагматическим критериям идея сомнительная.

Имейте в виду, что я рассказываю о диссидентском секторе толерантного мнения, о тех, кого называют «левыми», и этот факт много говорит нам о победоносных принципах и интеллектуальной культуре, в рамках которых они находят свое место.

Также показательной была реакция на периодические голословные утверждения рейгановской администрации о том, что у Никарагуа есть планы по приобретению реактивных перехватчиков у Советского Союза (США принудили своих союзников к отказу от продажи таких самолетов). «Ястребы» требовали немедленной бомбардировки Никарагуа. «Голуби» возражали, что обвинения сначала надо доказать, но если бы они были доказанными, Соединенным Штатам следовало бы бомбить Никарагуа. Здравомыслящие же наблюдатели понимали, отчего Никарагуа хочет приобрести реактивные перехватчики:

чтобы защитить собственную территорию от организованных ЦРУ перелетов, при помощи которых проамериканские силы снабжались и получали свежую информацию, руководствуясь которой они атаковали беззащитные «уязвимые цели». Молчаливо предполагалось, что ни одна страна не имеет права защищать гражданских лиц от атак со стороны США, и среди «официальных» мнений эта доктрина имела фактически безраздельное господство.

Предлогом для террористических войн Вашингтона послужила самооборона стандартное официальное оправдание любого чудовищного деяния, даже нацистского Холокоста. И действительно, Рональд Рейган, посчитав, «что политика и действия правительства Никарагуа представляют необычайную и значительную угрозу национальной безопасности и международной политике», объявил «национальное чрезвычайное положение ради борьбы с этой угрозой», что не вызвало никаких насмешек. По аналогичной логике, у СССР были все права напасть на Данию, представлявшую гораздо большую угрозу для его безопасности, и уж конечно на Польшу и Венгрию, когда они приняли меры к достижению независимости. Тот факт, что такие доводы могут регулярно выдвигаться, опять-таки дает интересный комментарий к интеллектуальной культуре победителей и еще одно указание на то, что ждет нас впереди.

Теперь поговорим о НАФТА, об «историческом» соглашении, которое, по мнению Лакоффа, может способствовать успехам демократии в американском стиле в Мексике. Пристальное рассмотрение этого соглашения способно дать нам немало полезной информации. Соглашение НАФТА удалось пробить через Конгресс, несмотря на сильное противодействие простого народа, но при подавляющей поддержке со стороны деловых кругов и средств массовой информации, наполненных радостными обещаниями благ для всех заинтересованных лиц и организаций; эти обещания самоуверенно поддерживались Международной торговой комиссией США и ведущими экономистами, оснащенными ультрасовременными экономическими моделями (которые только что потерпели позорный провал, не разглядев вредоносных последствий соглашения между США и Канадой по свободной торговле, но полагали, что НАФТА как-то «заработает»). Совершенно не был принят во внимание тщательный анализ Бюро технологических оценок (научно-исследовательский отдел Конгресса), где был сделан вывод, что запланированный вариант НАФТА нанесет вред большей части населения Северной Америки, и предложены изменения, которые могли сделать это соглашение выгодным не только узким кругам инвесторов и финансистов. Еще более показательным было замалчивание официальной позиции американского рабочего движения, представленной в аналогичном анализе. Тем временем рабочих резко осудили за их «отсталые непросвещенные» позиции и «тактику грубых угроз», мотивированную «боязнью изменений и страхом перед иностранцами»; я снова цитирую лишь крайне левую часть спектра, на сей раз Энтони Льюиса. Можно было доказать лживость этих обвинений в столь «вдохновляющем» упражнении по демократии до общественности дошли лишь они. Дальнейшие подробности проливают еще больший свет, они становились предметом рассмотрения в диссидентской литературе того времени и впоследствии, но не предавались широкой огласке и едва ли имеют шанс стать частью официальной истории.

Теперь басни о чудесах НАФТА спокойно положили на полку: их опровергают факты. Уже ничего не услышишь о сотнях тысяч новых рабочих мест и других грандиозных выгодах, «припасенных» для жителей трех стран. Эти хорошие новости оказались заменены «явно благосклонной экономической точкой зрения» «мнением специалистов» о том, что соглашение НАФТА не принесло значительных результатов. По сообщению «Уолл-стритджорнэл», «должностные лица американской администрации испытывают чувство беспомощности и разочарования из-за своей неспособности убедить избирателей в том, что им ничего не угрожает», и что безработица «значительно меньше, чем предсказывал Росс Перо», которому позволили участвовать в основной дискуссии (в отличие от ОТА, рабочего движения, экономистов, отклонявшихся от «партийной линии», и, разумеется, аналитиков-диссидентов), поскольку его притязания порою отличались чрезмерностью и легко осмеивались. Цитируя печального обозревателя из правительственного средства массовой информации, «Джорнэл» в дальнейшем сообщает, что «трудно бороться с критикой, говоря правду что торговый договор на самом деле ничего не дал». Когда впечатляющее упражнение по демократии неслось вперед на всех парусах, о том, чем должна быть «правда», забыли.

Когда специалисты подвергли НАФТА критике за «отсутствие значительных результатов», предав при этом «прежние взгляды экспертов» забвению, появляется менее благосклонная экономическая точка зрения, если «национальный интерес» расширяется до масштабов всего населения. Выступая перед Сенатским банковским комитетом в феврале 1997 года, председатель Федерального резервного совета Алан Гринспен проявил большой оптимизм относительно «продолжительной экономической экспансии» благодаря «нетипичному ограничению роста компенсаций, [которое] является, в основном, следствием возросшей ненадежности в положении трудящихся». Однако подобное положение дел для справедливого общества является очевидным недо статком. Экономический доклад президента за февраль 1997 года, выражая удовлетворенность достижениями администрации, в то же самое время ссылается на «изменения институтов и форм деятельности, связанных с организацией рынка рабочей силы» как на один из факторов «значительного сдерживания зарплаты», поддерживающего здоровье экономики.

Одна из причин этих «доброкачественных» изменений разбирается в проведенном по поручению Секретариата НАФТА по рабочей силе исследовании «о влиянии внезапного закрытия фабрик на принцип свободы ассоциаций и на право трудящихся на организацию в трех странах». Исследование было проведено под руководством НАФТА в ответ на жалобу телекоммуникационных работников на незаконные способы обращения с рабочей силой в компании «Спринт». Жалобу поддержало Бюро национальных трудовых отношений, после нескольких лет проволочек постановившее выплатить незначительный штраф, что в данном случае явилось стандартной процедурой. Исследование НАФТА, проведенное специалистом по трудовым отношениям из Корнельского университета Кейт Бронфенбрэннер, было допущено к печати в Канаде и Мексике, но встретилось с препятствиями в США. В нем раскрывается существенное воздействие НАФТА на борьбу с забастовками. Около половины усилий по организации трудящихся подавляются угрозами предпринимателей перевести производство за границу, например, вывесками «Перевод производства в Мексику» у фабрик, где наблюдается тенденция к организации профсоюзов и забастовочного движения. И эти угрозы не беспочвенны: когда забастовочное движение, несмотря ни на

что, оказывается действенным, предприниматели закрывают фабрики, целиком или частично. Количество случаев закрытия фабрик по подобного рода причинам в настоящее время увеличилось в три раза по сравнению с периодом, предшествовавшим созданию НАФТА. Причем риск подобного закрытия фабрик в два раза выше в отраслях промышленности, в большей степени поддающихся территориальному перемещению. Так, например, он значительно выше в легкой промышленности по сравнению со строительством. Этот и иные методы, о которых сообщает исследование, являются незаконными, но для власть имущих все это всего лишь дело техники. Точно так же обстоит дело и с нарушениями международного права и торговых соглашений в тех случаях, когда власть имущие считают ожидаемые результаты неприемлемыми. Администрация Рейгана дала понять деловому миру, что его незаконной антипрофсоюзной деятельности не будет препятствовать криминальное государство, а преемники Рейгана придерживались той же точки зрения. Все это оказало существенное влияние на подавление профсоюзов, или, в более вежливых выражениях, на «изменения в организациях и порядках рынка рабочей силы», способствующие «значительному ограничению зарплаты» в рамках экономической модели, предлагаемой с большой гордостью отсталому миру, который пока не уяснил победоносные принципы, которым предстоит проторить дорогу к свободе и справедливости.

Цели НАФТА, о которых шла речь в «маргинальных» источниках, теперь тихо признаются всеми: подлинная цель данного соглашения заключалась в том, чтобы «привязать Мексику» к «реформам», произведшим «экономическое чудо» в техническом смысле этого термина «чудо» для американских инвесторов и мексиканских богачей в условиях, когда простое население погрязло в нищете. Администрация Клинтона «забыла, что основополагающей целью НАФТА было не способствовать торговле, а цементировать экономические реформы в Мексике» торжественно заявляет корреспондент журнала «Ньюсуик» Марк Левинсон, забывая лишь добавить при этом, что ради утверждения соглашения НАФТА громогласно утверждалось противоположное, а критики, делавшие акцент на этой «основополагающей цели», по большей части, изгонялись со свободного рынка идей его владельцами.

Возможно, когда-нибудь согласятся и с другими аналогичными причинами. «Привязывание Мексики к реформам», как надеялись, отведет опасность, обнаруженную семинаром по стратегическому развитию Латинской Америки в Вашингтоне в сентябре 1990 года. Там пришли к выводу, что отношения с жестоким мексиканским диктаторским режимом превосходны, хотя есть и серьезная проблема: «демократические перемены» в Мексике могут поставить под вопрос особые отношения этой страны с США в том случае, если будет избрано правительство, заинтересованное в том, чтобы исходя из экономических и националистических соображений, бросить вызов Соединенным Штатам. Теперь же, когда Мексика привязана к реформам договором, эта опасность уже не представляет серьезной проблемы. США обладают правом произвольно пренебрегать договорными обязательствами, а Мексика нет.

Словом, угрозой и в США, и за границей является демократия, что снова иллюстрируется приведенным выше примером. Демократия допустима и даже приветствуется, но опять-таки судить следует по результату, а не по процессу. Соглашение НАФТА считалось эффективным инструментом, ослабляющим угрозу со стороны демократии. Оно проводилось в жизнь в Соединенных Штатах путем подрыва демократического процесса, а в Мексике

даже силой, преодолевая при этом существенный, но безрезультатный протест общественности. Теперь результаты описываются как многообещающий инструмент экспорта демократии в американском стиле погрязшим в невежестве мексиканцам. Циничный наблюдатель, знакомый с фактами, мог бы с этим согласиться.

И опять приведенные иллюстрации триумфа демократии являются естественными; они интересны и показательны, хотя и не так, как задумывалось.

Провозглашение доктрины Клинтона сопровождалось «наиболее наглядным» примером, иллюстрирующим упомянутые победоносные принципы: это достижения администрации США на Гаити. Поскольку они снова предлагаются в качестве самого весомого случая, имеет смысл ознакомиться с ними.

Действительно, избранному президенту Гаити разрешили вернуться, но лишь после того, как народные организации подверглись продолжавшемуся три года террору со стороны сил, сплошь и рядом сохранивших тесные связи с Вашингтоном; администрация Клинтона до сих пор отказывается передать Гаити 160000 страниц захваченных вооруженными силами США документов, связанных с практикой государственного террора. Согласно заявлению организации «Human Rights Watch», делается это для того, «чтобы избежать ошеломляющих разоблачений», доказывающих причастность американского правительства к политике путчистов. Также оказалось необходимым преподать президенту Аристиду «ускоренный курс демократии и капитализма» так его ведущий сторонник в Вашингтоне описал процесс перевоспитания священника-смутьяна.

Этот способ известен и в других странах, где замечают нежелательный переход к формальной демократии.

Президенту Аристиду было выдвинуто условие, что вернуться на свой пост он сможет только в том случае, если согласится принять экономическую программу, ориентирующую политику правительства Гаити на потребности «гражданского общества, в особенности частного сектора, как национального, так и зарубежного»: согласно этой программе, ядром гаитянского гражданского общества должны были стать американские инвесторы наряду с богатыми гаитянами, поддержавшими военный путч, но вовсе не гаитянские крестьяне и обитатели трущоб, сформировавшие настолько живое и обладающее быстрой реакцией общество, что, вопреки неблагоприятной ситуации, они даже оказались способными избрать собственного президента, мгновенно вызвав враждебность США и попытки подорвать первый демократический режим на Гаити.

Неприемлемые действия «невежественных и лезущих не в свое дело аутсайдеров» на Гаити были насильственно аннулированы при непосредственном соучастии США и не только посредством контактов с несущими за это ответственность государственными террористами. Организация американских государств (ОАГ) объявила эмбарго. Администрации Буша и Клинтона саботировали его с самого начала, освободив от него фирмы США, а также тайно разрешив компании «Тексако Ойл» в нарушение официальных санкций заниматься поставками для путчистов и их богатых сторонников: важнейший факт, отчетливым образом раскрытый за день до того, как американские войска высадились ради

«восстановления демократии», но его надо еще довести до общественности, и это очередной кандидат на то, чтобы не попасть в исторические документы.

Теперь демократия восстановлена. Новое правительство вынудили отказаться от демократических и реформистских программ, оскорблявших Вашингтон, и следовать политике вашингтонского кандидата на выборах 1990 года, получившего тогда всего 14 % голосов.

События, предшествовавшие этому триумфу, дают неплохое понимание тех «политических и экономических принципов», которым было суждено привести нас в славное будущее. Остров Гаити, наряду с Бенгалией, представлял собой одну из богатейших колониальных жемчужин и источник изрядной доли богатств Франции. С тех пор, как морские пехотинцы Вильсона напали на страну восемьдесят лет назад, она находилась в значительной степени под контролем и опекой США. Теперь положение ее столь катастрофично, что она едва ли пригодна для обитания в не слишком отдаленном будущем. В 1981 году начала действовать стратегия Всемирного банка, основанная на строительстве сборочных заводов и экспорте сельскохозяйственной продукции, что переориентировало Гаити с производства продовольствия для местного употребления. USAID предсказала «историческое изменение в сторону более глубокой рыночной взаимозависимости с Соединенными Штатами» в стране, которой предстояло стать «Тайванем Карибского моря». С этим согласился Всемирный банк, предложивший обычные предписания по «расширению частного предпринимательства» и минимизации «социальных целей», тем самым усугубляя неравенство и бедность и ухудшая качество здравоохранения и образования. Справедливости ради следует отметить, что эти стандартные предписания обычно сочетаются с проповедями о необходимости уменьшения неравенства и бедности и улучшения состояния систем здравоохранения и образования. В случае с Гаити последствия были самыми обычными: прибыли для промышленников США и гаитянских сверхбогачей, а также падение зарплаты гаитянцев на 56 % в продолжение 80-х годов XX века словом, «экономическое чудо». Гаити осталось самим собой, не сделавшись Тайванем, который следовал радикально иным путем, что, конечно же, должно быть известно советникам.

Как раз попытки первого демократического правительства Гаити облегчить назревавшую беду и вызвали враждебность Вашингтона, равно как и последовавшие военный путч и террор. Когда «демократия восстановлена», USAID отказывается предоставлять помощь, чтобы обеспечить приватизацию цементных заводов и мукомольных фабрик к выгоде богатых гаитян (гаитянского «гражданского общества», согласно директивам, сопровождавшим восстановление демократии), препятствуя расходам на здравоохранение и образование. Агробизнес получает щедрые субсидии, но не выделяется средств на крестьянское земледелие и ремесла, обеспечивающие доходы подавляющего большинства населения. Принадлежащие иностранцам сборочные заводы, которые нанимают рабочих (преимущественно женщин) за зарплату гораздо ниже прожиточного минимума и для работы в ужасающих условиях труда, получают выгоду от дешевого электричества, субсидируемого щедрыми хозяевами. Но для гаитянских бедняков, то есть для широких слоев населения, не может быть субсидий на электричество, топливо, воду и продовольствие: они запрещены правилами МВФ по принципиальным причинам, ибо устанавливают «контроль над ценами».

Перед проведением «реформ» местное производство риса фактически удовлетворяло всем потребностям страны и играло важную роль в национальной экономике. Благодаря односторонней «либерализации», теперь оно обеспечивает лишь 50 % с предсказуемыми для экономики последствиями. Гаити должно «осуществлять реформы», изменяя тарифы в соответствии с суровыми принципами экономической науки, но этим принципам, в силу какого-то логического чуда, не подчиняется агробизнес США; он продолжает получать громадные государственные субсидии, увеличенные рейгановской администрацией до такой степени, что к 1987 году они составили 40 % валового дохода фермеров. Естественные последствия этого ясны: в докладе USAID за 1995 год отмечается, что «ориентированная на экспорт торговля и политика инвестирования», направляемая Вашингтоном, «окажут крайне пагубное воздействие на гаитянских производителей риса», которых заставят заниматься экспортом сельскохозяйственной продукции более рационально и ради выгоды американских инвесторов, согласно принципам теории рациональных ожиданий.

Такими методами самую обнищавшую страну во всем полушарии превратили в основного покупателя произведенного в США риса, что ведет к обогащению американских компаний, получающих субсидии от государства. Те, кому выпало счастье получить хорошее западное образование, несомненно, могут объяснить, что прибыли в конце концов просочатся и к гаитянским крестьянам и обитателям трущоб.

Наиболее наглядный пример говорит нам кое-что еще о значении и последствиях победы «демократии и открытых рынков». Гаитяне вроде бы усвоили уроки, даже если менеджеры-доктринеры на Западе толкуют ситуацию иначе. По сообщениям прессы, парламентские выборы в апреле 1997 года «произвели на свет» «унылые 5 % проголосовавших», из-за чего возникает вопрос: «Возможно, Гаити не оправдало надежд США?» Мы, дескать, пожертвовали столь многим, чтобы дать им демократию, а они неблагодарны и недостойны. Теперь понятно, отчего «реалисты» советуют нам держаться в стороне от крестовых походов, направленных на «глобальное совершенствование» мира.

Аналогичные взгляды распространены по всему полушарию. Опросы общественного мнения показывают, что в Центральной Америке политика вызывает «скуку», «недоверие» и «безразличие» в пропорциях, далеко отстоящих от «интереса» или «энтузиазма» среди «апатичной публики... которая ощущает себя наблюдателем собственной демократической системы» и испытывает чувство «серьезного пессимизма относительно будущего». Первый обзор Латинской Америки, проведенный при спонсорской поддержке Европейского Союза, содержит сходные выводы: «наиболее тревожным содержанием обзора, комментировал бразильский координатор, стало то, что в восприятии народа от перехода к демократии выгоду получила элита». Латиноамериканские ученые отмечают, что недавняя волна демократии совпала с неолиберальными экономическими реформами, нанесшими ущерб большинству народа и послужившими причиной циничного отношения к формальным демократическим процедурам. Проведение подобных программ в богатейшей стране мира, как уже указывалось, имело аналогичные последствия.

Давайте вернемся к господствующей доктрине: «победа Америки в холодной войне» стала победой демократии и свободного рынка. В отношении демократии эта доктрина отчасти

права, хотя нам следует понять, что имеется в виду под «демократией»: направляемый сверху контроль, имеющий целью «защитить зажиточное меньшинство от большинства». А как насчет свободного рынка? Здесь мы тоже обнаруживаем, что доктрина весьма отдалена от реальности, что опять-таки иллюстрируется примером с Гаити.

Снова рассмотрим пример с НАФТА, с соглашением, целью которого является загнать Мексику в рамки экономической дисциплины, которая защитит инвесторов от опасности «демократических изменений». И это не «соглашение по свободной торговле». Скорее ему свойственна крайняя степень протекционизма, направленного на создание дополнительных препятствий для восточно-азиатских и европейских конкурентов. К тому же с глобальными соглашениями оно разделяет такие антирыночные принципы, как ограничения в «правах на интеллектуальную собственность», причем столь чрезмерные, что богатые общества никогда не принимали их в ходе своего развития. Теперь же они намереваются воспользоваться ими ради защиты базирующихся в их странах корпораций, что приводит, например, к разрушению фармацевтической промышленности в более бедных странах и, в частности, к торможению технологических нововведений, таких, как совершенствование производственных процессов для запатентованных продуктов, допускаемых традиционным патентным режимом. Если прогресс не приносит выгоду «денежным мешкам», он остается таким же благим пожеланием, как и рынок.

Есть также вопросы о характере «торговли». Как сообщалось, больше половины торговли США с Мексикой состояло из сделок внутри американских фирм, после принятия НАФТА более 15 %. Уже десять лет назад заводы в северной Мексике, на большинстве которых работало малое количество рабочих и которые фактически не были связаны с мексиканской экономикой, производили 33 % моторных блоков, используемых в автомобилях США, и 75 процентов других важнейших компонентов. Происшедший после заключения НАФТА, в 1994 году, развал мексиканской экономики не затронул лишь очень богатых и американских инвесторов (защищенных гарантиями, данными американским правительством) и привел к росту американо-мексиканской торговли, когда новый кризис, ввергнув население в еще более глубокую нищету, «превратил Мексику в дешевый [то есть в еще более дешевый] источник промышленных товаров, где зарплата в промышленности составляет 1/10 американской» сообщает деловая пресса. Согласно некоторым специалистам, половина американской торговли во всем мире состоит из таких центральным образом направляемых сделок, и то же самое во многом можно сказать о других индустриальных державах, хотя к выводам об организациях с ограниченной публичной отчетностью следует относиться с осторожностью. Некоторые экономисты убедительно описали мировую систему как систему «корпоративного меркантилизма», далекого от идеала свободной торговли. Имплицитно приходя к аналогичному мнению, Организация экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) делает вывод, что «преимущества конкуренции и международного разделения труда в высокотехнологичных отраслях промышленности сегодня обеспечивает не столько невидимая рука рынка, сколько конкуренция между олигополиями и стратегическое взаимодействие между фирмами и правительствами».

Даже фундаментальная структура экономики США нарушает столь приветствуемые неолиберальные принципы. Основная тема стандартного труда по истории американского бизнеса состоит в том, что «современное бизнес-предприятие блокирует рыночные

механизмы в координации экономической деятельности и размещении ресурсов экономики», производя множество сделок внутри фирм. Подобного рода политика представляет собой еще один существенный отход от рыночных принципов. Но существует и много других сходных отклонений. Рассмотрим, например, судьбу принципа Адама Смита, согласно которому свободное передвижение людей к примеру, через государственные границы представляет собой важный компонент свободной торговли. Если мы обратимся к миру транснациональных корпораций, для которого характерны стратегические союзы с могущественными государствами и их решающая поддержка, то разрыв между доктринами и реальностью станет непреодолимым.

Публичные заявления следует интерпретировать в свете этих реальностей. К их числу относится призыв Клинтона к торговле, а не помощи для Африки, содержащий ряд оговорок к выгоде американских инвесторов, а также напыщенную риторику, которая ухитряется избежать, к примеру, продолжительного перечисления подобных попыток и того факта, что до этого грандиозного нововведения у США была наиболее скупая программа помощи по сравнению с другими развитыми странами. Или же возьмем очевидный образец, рассмотрим очерк Честера Крокера, где описываются планы рейгановской администрации по Африке на 1981 год. «Мы поддерживаем возможности для открытого рынка, доступ к ключевым ресурсам и расширение африканской и американской экономики, сказал он, а также хотим ввести африканские страны «в главное русло свободной рыночной экономики». Цинизм этого заявления вроде бы превышает цинизм, свойственный лидерам «сдержанного натиска» на «экономику свободного рынка». Но версия Крокера достаточно честна, если ее пропустить сквозь призму реально существующей рыночной доктрины. Рыночные возможности и доступ к ресурсам предназначены для иностранных инвесторов и их местных партнеров, а экономикам придется развиваться специфическим путем, защищая «зажиточное меньшинство от большинства». Выходит, зажиточные заслуживают государственной поддержки и государственных субсидий. Да и как им еще процветать ради всеобщей выгоды?

Разумеется, Соединенные Штаты не одиноки в своей концепции «свободной торговли», даже если их идеологи зачастую руководят хором циников. Опубликованный в 1992 году доклад ООН по развитию содержал вывод, что разрыв между богатыми и бедными странами, увеличивавшийся начиная с 1960 года, в значительной мере объясняется протекционистскими мерами, принимаемыми богатыми странами. Доклад же 1994 года пришел к выводу, что «индустриальные страны, нарушая принципы свободной торговли, приносят развивающимся странам убытки приблизительно в 50 млрд. долларов в год, что практически равно общему потоку зарубежной помощи, направляемому в развивающиеся страны». Большая часть этих нарушений состоит в субсидировании экспорта со стороны государства. Доклад ООН за 1996 год сообщает, что разрыв между богатейшими и беднейшими 20 % населения земного шара увеличился с 1960 по 1989 годы на 50 % и прогнозирует рост неравенства в мире из-за процесса глобализации. Это растущее неравенство распространяется и в богатых обществах, причем США лидируют, а Великобритания отстает лишь ненамного. Деловая пресса ликует по поводу «грандиозного» и «ошеломляющего» роста прибыли, аплодируя необычайной концентрации богатств в руках нескольких процентов населения, тогда как для большинства продолжается застой или даже упадок.

Корпоративные средства массовой информации, администрация Клинтона и глашатаи американского образа жизни надменно предлагают себя в качестве образца для остального мира; в хоре приветствий самим себе не слышны результаты наглой социальной политики последних лет. Например, по «основным показателям», только что опубликованным ЮНИСЕФ, мы узнаем, что Соединенные Штаты имеют наихудшие показатели среди индустриальных стран по таким параметрам, как смертность среди детей до пяти лет они идут наравне с Кубой, нищей страной третьего мира, подвергающейся непрерывным атакам сверхдержавы Западного полушария в течение сорока лет. США также удерживают рекорды по голоду, детской бедности и прочим основным социальным показателям.

И все это происходит в богатейшей стране мира, имеющей беспрецедентные преимущества и стабильные демократические институты, но также в необычайной степени управляемой бизнесом. Таковы дальнейшие предзнаменования на будущее, если, конечно, во всем мире будет продолжаться «драматический сдвиг от плюралистического и представительного идеала политики к идеалу авторитарному и технократическому».

Следует отметить, что в секретных документах намерения зачастую высказываются начистоту. Например, в первые годы после Второй мировой войны Джордж Кеннан, один из влиятельнейших разработчиков политики, прославившийся «видным гуманистом», отвел каждому сектору земного шара свою «функцию»: так, он утверждал, что функция Африки в том, чтобы подвергаться «эксплуатации» Европой ради реконструкции последней, а США имеют в Африке немного интересов. Годом раньше в одном исследовании высокого уровня, посвященном планированию, содержался призыв к тому, «чтобы кооперативное развитие дешевой пищевой и сырьевой промышленности в Северной Африке помогло создать европейское единство и экономическую основу для восстановления континента», интересное понимание кооперации. Нет ни упоминаний, ни предложений о том, чтобы Африка «эксплуатировала» Запад ради собственного восстановления после «глобального совершенствования» прошедших столетий.

В этом обзоре я попытался следовать осмысленному методологическому принципу: оценивать похвалу «политическим и экономическим принципам» господствующей в мире державы, избирая, главным образом, иллюстрации, выбранные самими ее адвокатами в качестве наиболее убедительных примеров воплощения этих принципов. Этот обзор краток и пристрастен и анализирует смутные и плохо понимаемые вопросы. Мое собственное суждение следует воспринимать как оно есть: эта подборка достаточно честна и дает отрезвляющую картину действующих принципов и вероятной «волны будущего», если никто не будет их оспаривать.

Даже будучи точной, эта картина приводит к серьезным заблуждениям именно потому, что она столь же пристрастна: в ней полностью отсутствуют достижения тех, кто действительно предан провозглашенным прекрасным принципам, а также далеко превосходящим их принципам справедливости и свободы. Это, в первую очередь, свидетельства народной борьбы, стремящейся подорвать и разрушить различные формы угнетения и господства, которые иногда прямо-таки бросаются в глаза, но часто столь глубоко скрыты, что их никто не видит, даже их жертвы. Свидетельства многочисленны и ободряющи, и у нас есть все основания предполагать, что борьба будет продолжена. Для

этого требуется реалистичная оценка существующих обстоятельств и их исторических истоков, но, разумеется, это лишь начало.

Скептикам, отгоняющим от себя такие надежды как утопические и наивные, надо лишь бросить взгляд на то, что произошло вот здесь, в Южной Африке, за последние несколько лет, воздав должное тому, что может свершить человеческий дух, и его безграничным перспективам. Уроки этих замечательных достижений должны вдохновлять жителей всех стран, а также направлять следующие шаги в борьбе, которая продолжается и здесь, по мере того, как народ Южной Африки, только что одержав великую победу, обращается к еще более трудным проблемам, что ждут впереди.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. UNICEF, *The State of the World's Children 1997* (Oxford University Press, 1997); UNICEF, *The Progress of Nations 1996* (UNICEF House, 1996).
2. Thomas Freedman, *NYT*, June 2, 1992; советник по национальной безопасности Anthony Lake, *NYT*, September 26, 1993; историк David Fromkin, *NYT Book Review*, May 4, 1997, подведение итогов недавних работ.
3. Общую картину ситуации и ее исторические корни см., среди прочего, в классическом исследовании Фредерика Клермонта (Frederic Clairmont), *The Rise and Fall of Economic Liberalism* (Asia Publishing House, 1960), новое дополненное издание (Penang and Goa: Third World Network, 1996), а также Michel Chossudovsky, *The Globalisation of Poverty* (Penang: Third World Network, 1997). Клермонт много лет работал экономистом в УНКТАД, Хосудовский является профессором университета Оттавы.
4. John Cassidy, *New Yorker*, October 16, 1995. Относительно следующих цитат см. главу 3, примечание 1. Выборка цитат от либеральных до левых, в некоторых случаях вполне критических. В остальных же частях спектра анализ почти одинаков: как правило, он эвфоричен.
5. John Liscio, *Barren's*, April 15, 1996.
6. Richard Cockett, "The Party, Publicity, and the Media", in Anthony Seldon and Stuart Ball, eds., *Conservative Century: The Conservative Party since 1900* (Oxford University Press, 1994); Harold Lasswell, «Propaganda», in *Encyclopaedia of the Social Sciences*, vol. 12 (Macmillan, 1933). Относительно цитат и дискуссии см. "Intellectuals and the State" (1977), перепечатано в Noam Chomsky, *Towards a New Cold War* (Pantheon, 1982). Также, наконец, стали доступными некоторые из первых работ на эти темы Алекса Кэри (Alex Carey), собранные в его *Taking the Risk out of Democracy* (University of New South Wales Press, 1995, а также University of Illinois Press, 1997).
7. *Ibid.*, and Elizabeth Fones-Wolf, *Selling Free Enterprise: the Business Assault on Labor and Liberalism, 1945-1960* (University of Illinois Press, 1995). А также Stewart Ewen, *PRI: A Social*

History of SPIN (Basic Books, 1996). В более широком контексте см. Noam Chomsky, "Intellectuals and the State" и "Force and Opinion", перепечатано в *Deterring Democracy* (Verso, 1991).

8. Editorial, *New Republic*, March 19, 1990.

9. Sanford Lakoff, *Democracy: History, Theory, Practice* (Westview, 1996), 262f.

10. J. Toye, J. Harrigan, and P. Mosley, *Aid and Power* (Routledge, 1991), vol. 1, 16. О сравнении с ленинизмом см. мои эссе, процитированные в примечании и в *For Reasons of State* (Pantheon, 1973), Introduction.

11. Carothers, "The Reagan Years" in Abraham Lowenthal, ed., *Exporting Democracy* (John Hopkins University Press, 1991). См. также его *In the Name of Democracy* (University of California Press, 1991).

12. См. главу 2, а относительно дальнейшей дискуссии и источников Noam Chomsky, *Powers and Prospects* (South End, 1996), "Consent Without Consent: Reflections on the Theory and Practice of Democracy", *Cleveland State Law Review* 44. 4, 1996.

13. *Survey of Current Business*, U. S. Dept. of Commerce, Vol. 76, no. 12 (December 1966).

14. Morton Horwitz, *The Transformation of American Law, 1870–1960* (Harvard University Press, 1992), Chapter 3. См. также Charles Sellers, *The Market Revolution* (Oxford University Press, 1991).

15. Michael Sandel, *Democracy's Discontent* (Harvard University Press, 1996), Chapter 6. Его интерпретация в терминах республиканизма и гражданской доблести, на мой взгляд, слишком узка, ибо не учитывает более глубокие корни этого явления в эпоху Просвещения и ранее. Его взгляды подвергнуты критике, напр., в Noam Chomsky, *Problems of Knowledge and Freedom* (Pantheon, 1971), Chapter 1, а некоторые эссе перепечатаны в James Peck, ed., *The Chomsky Reader* (Pantheon, 1987) а также Noam Chomsky, *Powers and Prospects*, Chapter 4. 16. Относительно деталей см. Noam Chomsky, *Turning the Tide* (Boston: South End, 1985), Chapter 6.3, а также Noam Chomsky, *The Culture of Terrorism* (South End, 1988), Chapter II и список цитированных источников, включающий цитаты из Фигереса, исключение которых из средств массовой информации потребовало значительного труда. См. мои *Letters from Lexington* (Common Courage, 1993), Chapter 6, где речь идет о документальных фактах, включая длинный список погибших в «Нью-Йорк таймс» и несдержанный комментарий редакции, который снова успешно заклеил взгляды Фигереса на вашингтонский «крестовый поход за демократию». По поводу освещения выборов в Никарагуа и Сальвадоре см. Edward Herman and Noam Chomsky, *Manufacturing Consent* (Pantheon, 1988), Chapter 3. Даже Каразерс, тщательно обращающийся с фактами, пишет, что сандинисты «отказывались согласиться с результатами выборов» до 1990 г. (в Lowenthal, *op. cit.*).

17. Другая стандартная фальсификация состоит в том, что долго подготавливаемые выборы состоялись якобы лишь из-за военного и экономического давления Вашингтона, которое поэтому оправдывалось задним числом.

18. О выборах и реакции на них в Латинской Америке и США, включая источники, описывающие последующие события, см. Noam Chomsky, *Deterring Democracy*, Chapter 10. Подробный обзор весьма успешной дипломатической подрывной операции, которую повсюду приветствовали как триумф дипломатии, см. Noam Chomsky, *Culture of Terrorism*, Chapter 7, а также Noam Chomsky, *Necessary Illusions* (South End, 1989), appendix IV. 5.
19. Он подчеркивает этот факт в Lowenthal, *op. cit.*
20. Подробности см., среди прочего, в: Richard Garfield, "Desocializing Health Care in a Developing Country", *Journal of the American Medical Association*, 270, no. 8, August 25, 1993, а также Noam Chomsky, *World Order, Old and New* (Columbia University Press, 1994), 131 f.
21. Michael Kinsley, *Wall Street Journal*, March 26, 1987; *New Republic*, editorials, April 2, 1984; March 19, 1990. Более подробную информацию на эту тему и множество аналогичных примеров см. в Noam Chomsky, *Culture of Terrorism*, Chapter 5; Chomsky, *Deterring Democracy*, Chapters 10, 12.
22. H. D. S. Greenway, *Boston Globe*, July 29, 1993. 23. *NYT*, May 2, 1985.
24. См. *World Orders*, 131 ff. О предсказаниях и результате см. экономиста Мелвина Берка, Melvin Burke, "NAFTA Integration: Unproductive Finance and Real Unemployment", *Proceedings from the Eighth Annual Labor Segmentation Conference*, April 1995, спонсированные университетами Нотр-Дам и штата Индиана. А также *Social Dimensions of North American Economic Integration*, доклад, подготовленный Отделом по развитию человеческих ресурсов. Канадский рабочий конгресс, 1996. О предсказаниях Всемирного банка относительно Африки см. Cheryl Payer, *Lent and Lost* (Zed, 1991), а также John Mihevc, *The Market Tells them So* (Zed, 1995), также с обзором пагубных воздействий непрерывных провалов этих предсказаний пагубных для населения, но не для клиентуры этого банка. То, что точность прогнозов невелика, а понимание ситуации ничтожно, хорошо известно профессиональным экономистам. См., напр., Paul Krugman, "Cycles of Conventional Wisdom on Economic Development", *International Affairs* 71 no. 4, October 1995. См. выше.
25. Техасский миллиардер, выдвигавший свою кандидатуру на пост президента США. Прим. пер.
26. Helene Cooper, "Experts' View of NAFTA's Economic Impact. It's a Wash", *WSJ*, June 17, 1997.
27. Editorial, "Class War in the USA", *Multinational Monitor*, March 1997. Bronfenbrenner, "We'll Close", *ibid.*, на основании руководимого ею исследования: "Final Report: The Effects of Plant Closing or Threat of Plant Closing on the Right of Workers to Organize". Подробности сильнее влияния преступной деятельности рейганистов в сообщении в «Бизнес уик», "The Workplace: Why America Needs Unions, But Not The Kind It Has Now", May 23, 1994.
28. Levinson, *Foreign Affairs*, March/April 1996. Workshop, September 26 & 27, 1990, Minutes, 3.
29. См. следующую главу. В США и особенно в Канаде (где дискуссия была гораздо более открытой) опросы общественного мнения показали в значительной степени враждебный

настрой населения.

30. Kenneth Roth, Executive Director, HRW, NYT, April 12, 1997.

31. См. Paul Farmer, *The Uses of Haiti* (Common Courage, 1994); Chomsky, *World Orders*, 62 ff.; Noam Chomsky, "Democracy Restored", *Z*, November 1994; North American Congress on Latin America (NACLA), *Haiti: Dangerous Crossroads* (South End, 1995).

32. Noam Chomsky, "Democracy Restored", где цитируется John Solomon, AP, September 18, 1994 (передовая статья).

33. См. мой *Year 501* (South End 1993), Chapter и указатель источников; Farmer, op. cit. *Labor Rights in Haiti*, International Labor Rights Education and Research Fund, April 1989. *Haiti After the Coup*, National Labor Committee Education Fund (New York), April 1993. Lisa McGowan, *Democracy Undermined, Economic Justice Denied: Structural Adjustment and the AID Juggernaut in Haiti* (Development Gap, January 1997).

34. Nick Madigan, "Democracy in Inaction: Did Haiti Fail U. S. Hope?" *Christian Science Monitor*, April 8, 1997; подробности о выборах см. AP, *Boston Globe*, April 8, 1997.

35. John McPhaul, *Tico Times* (Costa Rica), April 11, May 2, 1997.

36. Vincent Cable, *Daedalus* (Spring 1995) с цитатами из UN World Investment Report 1993 (где фигурируют, однако, совершенно иные цифры, а также подчеркивается, что «доступными являются относительно немного данных». См.: p. 164 f.). Относительно более подробной дискуссии, оценивающей торговлю стран ТНЦ в 40 %, см. Peter Cowhey and Jonathan Aronson, *Managing the World Economy* (New York, Council on Foreign Relations, 1993). Об американо-мексиканской торговле см. David Barkin and Fred Rosen, "Why the Recovery is Not a Recovery", *NACLA Report on the Americas*, January/February 175 1997; Leslie Crawford, "Legacy of Shock Therapy", *Financial Times*, February 12, 1997 (с подзаголовком " Mexico: A Healthier Outlook", в статье также анализируется растущая нищета подавляющего большинства населения, за исключением «очень богатых»). О сделках внутри фирм, совершаемых после заключения НАФТА: William Greider, *One World, Ready or Not* (Simon & Schuster, 1997), 273, с цитатами из мексиканского экономиста Карлоса Эредиа. По оценкам, до заключения НАФТА экспорт в рамках американских фирм, никогда не доходивший до мексиканских рынков, превосходил 50 %. Сенатор Ernest Hollings, *Foreign Policy*, Winter 1993-4.

37. Исследование ОЭСР за 1992 г., цитируемое бывшим главным экономическим советником Клинтона Лорой Тайсон в *Who's Bashing Whom?* (Institute for International Economics, 1992).

38. Alfred Chandler, *The Visible Hand* (Belknap Press, 1977).

39. Речь, произнесенная в Гонолулу Ч. А. Крокером, заместителем министра иностранных дел США по африканским делам, перед Комитетом по национальной безопасности Американского Легиона, август 1981. Цитируется Гансом Абрахамссоном, *Hans Abrahamsson, Hegemony, Region and National State: The Case of Mozambique* (Padrigu Peace and Development Research Institute, Gothenburg University, January 1996).

40. Это обсуждается в Eric Toussaint and Peter Drucker, eds., IMF/World Bank/WTO, Notebooks for Study and Research (Amsterdam: International Institute for Research and Education, 1995), 24/5.

41. UNICEF, State of the World's Children 1997.

42. George Kennan, PPS 23, February 24, 1948 (Foreign Relations of the United States, vol. 1, 1948), 511. Michael Hogan, The Marshall Plan (Cambridge University Press, 1987), 41, перифраза меморандума Боунстила, май 1947 г.

Версия #1

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 1 августа 2025 13:33:13

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 1 августа 2025 13:34:53